

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Около 11 часов утра поезд наконец подошел к платформе пассажирской станции Петроград-I (Николаевский вокзал). Публика, суетливо толкаясь, высыпала из вагонов и устремлялась к выходу. В числе других был и я.

Вагонные разговоры и сетования обывателей на большевиков и их тактику, как жужжание назойливого комара, утомили мой слух, и я был искренне рад возможности оставить вагон. Выйдя из вокзала, я торопливо зашагал прямо в Смольный — резиденцию большевистского Петроградского Совета и Военно-революционного комитета. Всего три дня прошло с тех пор, как я выехал из Петрограда в Москву, но эти три дня — громадный срок, когда события разворачиваются с такой молниеносной быстротой. С понятным желанием сократить путь я торопливо шагал по Суворовскому. Вот наконец и Смольный. Бросается в глаза особое оживление. Туда и обратно идут по одному и группами рабочие и солдаты. Мелькают знакомые лица. Вхожу в ограду. Здесь, грозно насупившись, стоят седые броневики; шоферы хлопчут возле них; кое-где кучки рабочих и солдат о чем-то оживленно беседуют, и некоторые из них имеют при себе оружие...

На глаза попадается тов. Садовский; обыкновенно крайне молчаливый и флегматичный, он сегодня изменил себе: оживлен, энергично жестикулирует, что-то доказывает своему собеседнику. Увидя меня, улыбается и бросает: «Где это вы запропали, идите скорее в Военно-революционный комитет, там вы нужны». Спешу в 79-ю комнату. Тут собрались товарищи Мехоношин, Еремеев, Подвойский и др. Последний подходит ко мне и, взяв меня под руку, отводит в сторону. Говорит быстро и отрывисто; видно, что дела у него больше, чем времени (в такие минуты всегда так бывает). Несколько раз нас перебивают, и Подвойский уходит для дачи распоряжений. Кратко и сжато узнаю от него о положении. За время моего отсутствия накопилось еще больше революционной энергии в массах. Сдерживать солдат и рабочих от выступления стало почти невозможно; нужно было возглавить движение и ввести его в организованные рамки. Повести борьбу против правительства Керенского так, чтобы с наименьшими потерями для пролетарских масс одержать победу и передать власть

в руки рабоче-крестьянского правительства. ЦК решил действовать в этом направлении.

Военно-революционный комитет уже связался с большинством частей через своих комиссаров. Представители Петроградского Совета и ВРК отсутствовали всего лишь в немногих местах, в том числе и в Петропавловской крепости — важнейшем опорно-стратегическом пункте (при уличном бое).

Отметив все это, Подвойский предложил поехать мне в крепость в качестве комиссара. Времени терять было некогда, я дал свое согласие; на скорую руку готовится мандат.

Получаю на лету дополнительные директивы. В крепости имеется большевистская ячейка под председательством Павлова, солдата местной команды; к нему-то я прежде всего и должен направиться. Держать связь как живую (через посыльных), так и телефонную (что было гораздо труднее вследствие саботажа телефонных барышень) с Военно-революционным комитетом, с большевистским Советом Петроградской стороны и с комитетами соседних воинских частей. Жму руку товарищам и спешу в крепость. Путь лежит по набережной. Нева катит свинцовые волны. Небо в тучах; резкий ветер пронизывает. Временами накрапывает дождь. Вдали высится мрачная серая громада крепости, утопая остроконечным шпилем в туманной мути петроградского неба. Крепость и Нева странно гармонируют своей суровостью.

Расположенная на небольшом островке, образуемом ответвлением Невы, Петропавловская крепость фронтом обращена к Зимнему дворцу, в котором находилось правительство Керенского. Если принять во внимание кроме этого приятного соседства еще следующее: 1) господство над Троицким и Николаевским¹ мостами, связывающими Петроградскую сторону со Смольным, 2) громадный арсенал (со всеми видами оружия), 3) солидность крепостных стен, обеспечивающих в уличном бою от огня (даже трехдюймовых орудий), то станет вполне ясной важность обладать этим пунктом.

Керенский после событий 3—5 июля, в которых крепость играла немаловажную роль и была большевистской, принял меры к обеспечению ее за собой и ввел в нее надежные фронтовые части. Насколько он достиг этих результатов, читатель увидит впоследствии.

Между тем прохожу длинным Троицким мостом. Ветер здесь особенно рвет и, кажется, хочет сбросить вниз, в свинцовую воду Невы. С особым чувством прохожу под мрачными арками Петровских и Ивановских ворот. Вспоминаю политических узников, которые когда-то тоже проходили здесь и запирались в сырые казематы крепости, с тем чтобы больше никогда не выйти обратно. Серьезность и важность порученного дела волнуют. За вторыми воротами обращаюсь к одному из проходящих солдат с просьбой

---

¹ Так в подлиннике, должно быть: Дворцовым. *Ред.*

указать мне, где можно найти тов. Павлова. Это, оказывается, сделать гораздо проще, чем я думал. Павлов недалеко, окруженный кучкой солдат, ведет агитацию, отчаянно жестикулируя. Отзываю его в сторону и сообщаю, кто я и зачем послан. Павлов радостно меня приветствует и несколько раз повторяет: «Вот это хорошо! Славно! А то товарищ Вишнеvский действует уж больно нерешительно». (Тов. Вишнеvский был послан Военно-революционным комитетом для временной работы в гарнизоне крепости.) Идем в помещение гарнизонного клуба крепости, который с этого момента становится штаб-квартирой как моей, так и ячейки. Здесь впервые встречаюсь с Вишнеvским. Узнаю от него о состоянии частей гарнизона крепости и прошу Павлова созвать экстренное расширенное заседание большевистской ячейки и пригласить на него наиболее надежных товарищей из частей. Весьма быстро публика собирается. В маленькой комнатке очень тесно, душно и накурено. Прошу сделать краткие сообщения о политическом состоянии гарнизона, составе и численности отдельных частей его. Еще от тов. Подвойского, давеча в Смольном, я слышал, что настроение гарнизона крепости далеко не ровное. Теперь это подтверждается. В крепости расквартированы следующие части: артиллерийская крепостная рота (бывшая вполне лояльной, то есть не выступавшая 3 и 5 июля на стороне большевиков), самокатный батальон (введенный в Питер после 3 и 5 июля для подавления большевиков; по мнению штаба Керенского, одна из самых надежных частей), местная команда (состоящая из сынков питерских лавочников и буржуа, враждебно настроенная к большевикам), команда складов (большевистская), батальон Кольта (большевистский), против всех ожиданий штаба Керенского, который вызвал его с фронта как одну из надежнейших антибольшевистских частей, и затем мелкие части: служащие Инженерного управления и канцелярии и, наконец, рабочие Монетного двора — всего в общей сложности около 8000 человек. Во всех докладах было подчеркнута, что наиболее надежным и активным является батальон Кольта во главе с его командиром поручиком Жендзяном — левым эсером, что не помешало ему, однако, действовать в полном согласии с большевиками и выступить с оружием в руках против Временного правительства. Общая численность батальона Кольта достигала 1000 человек при 80 вполне исправных пулеметах, что было больше чем достаточно. Кроме того, в резерве имелась местная команда; последняя была предназначена комендантом исключительно для производства хозяйственных работ в крепости и арсенале и потому не имела оружия. Нужно было позаботиться о ее вооружении в первую очередь. По словам товарищей, выступления враждебно настроенных к большевикам частей гарнизона ждать было трудно, за исключением, быть может, некоторых рот самокатного батальона. Картина после заседания ячейки была вполне ясна. На вечер нами было решено созвать расширенное гарнизонное собрание. А пока нужно

было установить тесную связь с товарищами-кольтистами. Я предложил тов. Павлову созвать митинг в казармах местной команды и принять все меры к тому, чтобы команда Кольта об этом митинге была широко оповещена. Весть о прибытии представителя Военно-революционного комитета и Петросовета уже разнеслась по крепости, и в желающих присутствовать на митинге недостатка не было. Небольшое помещение местной команды буквально было битком набито. Солдаты заняли все проходы между нарами, взгромозились на самые нары и облепили окна. Настроение сильно приподнятое, идет оживленный говор. Первый говорит Павлов. Твердые, стальные слова бьют в голову. Вижу, как напрягаются лица, горят глаза и руки нервно сжимаются в кулаки. Заключение речи Павлова: *«Мы по первому призыву Военно-революционного комитета с оружием в руках выйдем на улицу и низложим правительство Керенского»* — буквально тонут в море общих рукоплесканий и криков.

Моя очередь. Никогда, кажется, не чувствовал себя так хорошо. Слова льются свободно. Солдаты громко приветствуют Петроградский Совет и Военно-революционный комитет и до жуткости внимательно слушают. Ставлю вопрос резко. Указываю, что только с боем мы можем вырвать власть из рук Временного правительства, призываю беспощадно расправиться с тем, кто выступит против нас и останется по ту сторону баррикад. Вижу, что не сказал ничего нового, а лишь выразил общее настроение. Понимаю, что собравшиеся здесь не только умеют громко хлопать, но и будут хорошо стрелять. После меня выступают ораторы из среды солдат. Все, как один, заражены общим настроением, все готовы к выступлению по первому призыву Военно-революционного комитета. По окончании митинга идем в гарнизонный клуб, здесь знакомлюсь с Жендзяном и его помощником Тарасовым-Родионовым. Особенно выгодное впечатление производит на меня Жендзян. Прошу его держать наготове для вызова взвод кольтистов. Тем временем в клуб приходит тов. Тер-Арутюнянц, назначенный еще до меня Военно-революционным комитетом комиссаром арсенала. Он крепко жмет мне руку и сообщает о своих делах. У него не все гладко. Бывший начальник арсенала прапорщик Филиппов, по убеждению, кажется, правый эсер и любимец местной команды (о которой я говорил выше), никак не хочет считаться с Арутюнянцем и выполнять его приказания о выдаче оружия. Между тем завладеть арсеналом — вопрос первостепенной важности для нас. Уже поступают требования от рабочих на оружие, нужно их снабдить им во что бы то ни стало. Спешим в арсенал; часовой еще у входа, несмотря на все мои и Арутюнянца доводы, не хочет пропустить. Наконец после долгих препирательств проникаем в караульное помещение. Здесь нас встречает изящно одетый, выхоленный, с почти женской рукой и миловидной физиономией прапорщик. Арутюнянц сообщает мне, что это и есть Филиппов. Рекомендуюсь ему как представитель Военно-революционного комитета

и предлагаю его именем немедленно передать командование караулом и заведование складом тов. Арутюнянцу. Филиппов сильно волнуется и растерянно начинает доказывать всю недопустимость предъявленных к нему требований, ссылаясь на воинские уставы и свою офицерскую честь. Мы продолжаем упорно настаивать и указываем, что в случае нежелания подчиниться нашим требованиям мы принуждены будем прибегнуть к его аресту. Видимо, эта угроза и была якорем спасения для Филиппова. Он беспрекословно подчиняется и заявляет, что не видит иного выхода из создавшегося положения, как тот, который мы ему предложили. Но по всему его виду я чувствую, что он доволен такой развязкой: ведь теперь у него есть отговорка, что он силою снят с поста, и его «офицерская честь» не пострадает. Мы решили подвергнуть Филиппова домашнему аресту и отобрали у него оружие. Караул известие об аресте встретил довольно спокойно, и лишь унтер-офицер, бывший разводящий, пытался запротестовать, заявив, что он не имеет права без особого приказа коменданта исполнять распоряжения Арутюнянца, который принял на себя обязанности начальника арсенала. Но и это слабое сопротивление было быстро сломлено. Арутюнянец вступил в новую должность и начал энергично действовать, выясняя имеющиеся на складе запасы и знакомясь с постановкой дела и администрацией.

Для предупреждения всяких неожиданностей мной было дано распоряжение выслать для смены караула арсенала надежный взвод от команды Кольта (до этого охрану склада несла местная команда). Филиппов между тем ушел, дав нам честное слово удалиться из крепости на квартиру и не выходить из нее до моего распоряжения. Тов. Павлов после его ухода сообщил мне, что есть основание опасаться осложнений со стороны местной команды, в которой Филиппов пользовался большой популярностью и которая, по мнению Павлова, будучи недовольна таким оборотом дела и под давлением Филиппова, может выступить. Не знаю почему, но я не разделил опасений Павлова и был твердо уверен, что весь инцидент обойдется благополучно. Уж больно жалким показался мне этот прапорщик. Моя уверенность, как видно будет из последующего, не обманула меня.

Между тем время незаметно летит. Скоро уже и восемь — час собрания. Зал гарнизонного клуба наполняется. Присутствуют не только члены гарнизонного комитета, но и солдаты частей гарнизона. Офицеры отдельной кучкой жмутся около стола, вокруг председателя гарнизонного комитета штабс-капитана Янушевского, и о чем-то перешептываются. При моем приближении всякий раз замолкают. Вижу, что за моим поведением они внимательно наблюдают. Ждут событий и трусят. Зал между тем почти полный. Приходит сам комендант полковник Васильев, старый царский рубака, типичный военный, с зычным голосом, с самоуверенными движениями. Солдаты, за исключением некоторых изящно одетых самокатчиков, которые почтительно козыряют ему, не обращают

на приход коменданта внимания. Офицеры вытягиваются и приветствуют. Наконец заседание открывается Янушевским. Первым берет слово Вишневецкий, потом Павлов, настроение сразу обрисовывается, и собрание делится на две части: за Временное правительство — меньшая, а большая — против. Выступает Васильев. Офицеры встряхиваются, видимо ждут эффекта от его речи. Громко и отчетливо сыплет Васильев слова; здесь есть всего понемногу: и гибнущие в окопах братья, ждущие помощи, и его седины, и старые раны и, наконец, ссылка на то, что представитель Военно-революционного комитета (то есть я) — лицо безответственное. Речь свою он заканчивает призывом поддержать всемерно Временное правительство. Раздаются довольно жидкие хлопки, главным образом из рядов офицерства и частично из рядов членов гарнизонного комитета (представителей самокатного батальона и местной команды).

После моего выступления и речей нескольких товарищей-кольтистов большевиков собрание оканчивается с таким же успехом, как давеча в команде складов. Наша победа совершенно очевидна; иду в дежурку; страшно хочется есть. Из беды выручает товарищ Жендзян, посылающий за солдатским обедом. Из Смольного звонит Лашевич и спрашивает о положении. Кратко передаю ему события дня. Несмотря на довольно позднее время, оживление в крепости громадное, начинают приходиться делегации от заводов, моряков и воинских частей за оружием, приходят товарищи от Совета Петроградской стороны и соседних воинских частей и заводов для связи; телефон непрерывно трещит и приносит вести о наших новых успехах на собраниях и митингах. Иногда чей-нибудь незнакомый голос сообщает провокационные слухи о прибытии на вокзалы карательных отрядов с фронта. Но мы знаем цену этим слухам и привыкли к ним, и это нас не тревожит. Сон бежит от глаз. Ночь быстро-быстро проходит.

Утром курьер из Смольного привозит секретный пакет. Чувствую недоброе. В пакете записочка — приказ, наскоро напечатанный, за подписью тов. Подвойского, предупреждающий о том, что Керенский стягивает надежные воинские части с фронта к Петрограду и при помощи их и юнкеров хочет задавить революцию. Военно-революционный комитет призывает комиссаров быть особенно бдительными и принять все меры обороны. Немедленно созываем военное совещание из крепостных работников, сообщаем о полученном приказе и предлагаем срочно принять меры по охране крепости. Наспех намечаем план тех пунктов, где должны быть выставлены пулеметы, заставы и полевые караулы, даем распоряжение вооружить местную команду (оружие взять из арсенала). Намеченное быстро проводится в жизнь. Крепостная стена принимает боевой вид. Устанавливаются пулеметы для обстрела Троицкого моста и набережной, вышка Народного дома занимается отрядом кольтистов, к воротам крепости выставляется усиленный караул, а за ее стены в разные направления высылаются патрули.

Команда Кольта приводится в боевой вид, идет чистка пулеметов. Получаю известие, что комендант крепости Васильев очень часто сносится по телефону со штабом Керенского, помещающимся на Дворцовой площади,— якобы имеет намерение, опираясь на часть самокатчиков и местную команду, арестовать меня и ячейку и водворить в крепости «порядок». Почти одновременно по телефону из Смольного мне позвонили и сказали, что есть основание предполагать, что в крепость для ее занятия должны прибыть казаки. Атмосфера начала сильно сгущаться.

Даю приказание товарищам Кондакову и Павлову немедленно арестовать коменданта крепости Васильева и его адъютанта, снять телефонные аппараты как у них, так и вообще на офицерских квартирах. Распоряжение, несмотря на отчаянные протесты полковника и его истерики о том, что с виновниками будет поступлено по всей строгости военных законов, проводится точно и быстро в жизнь. Комендант запирается в своей квартире, и к нему приставляются часовые.

Между тем происшествия сыплются одно за другим как из рога изобилия. Прибегает вестовой из комендантской канцелярии и просит пойти туда, так как Зимний дворец срочно вызывает к телефону коменданта. Бледный и растерянный начальник канцелярии штабс-капитан Лашков, прикладывая руку к голове, на которой нет фуражки, другой показывает на стол, где лежит телефонная трубка. Тут же замечает свое неловкое отдание чести, еще больше теряется и отходит в сторону. Беру трубку и узнаю, что со мной говорит адъютант Керенского. Адъютант хочет узнать, почему не действует телефон коменданта и что вообще происходит в крепости. Сведения, по его словам, ему нужны для срочного доклада Керенскому. Прежде всего сообщаю, что он говорит с представителем Военно-революционного комитета, передаю обо всем происходящем в крепости, не умалчиваю и об аресте коменданта и прошу передать Керенскому, что крепость теперь исполняет распоряжения Военно-революционного комитета, с которым он и может в дальнейшем сноситься. В ответ слышу сначала какое-то неясное бурчание, а затем крик: «Так вы вот как... Это восстание! Хорошо же!» — И трубка с размаху бросается на крючок.

Тов. Подвойский сообщает по связи, что мне для поддержки высылаются броневик. Это очень кстати. Тем временем члены ячейки уже разъяснили солдатам события; арест коменданта не вызывает никаких осложнений. Самокатчики и местная команда упорно молчат. Надо принять меры и растопить наконец этот лед молчания, который не на шутку меня смущает. Было совершенно очевидно, что раскаленная атмосфера крепости и революционная энергия кольтистов начали оказывать благотворное действие не только на колеблющихся (таких было много среди самокатчиков), но и на враждебно настроенных к нам, подрывая их окончательно. Нужно было ускорить этот процесс разложения еще отуманенных

фразеологией Керенского частей (самокатный батальон принадлежал к таким частям).

С местной командой дело, по-моему, обстояло безнадежно, и ее привлечь на нашу сторону было нельзя, да она и не могла быть опасной, так как за последний день почти вся разбрелась по домам (налицо была едва одна треть). Решаем устроить специальный митинг для самокатчиков и пригласить на него наши лучшие агитационные силы...

Нужно сказать, что первая попытка организовать такой митинг во дворе крепости с участием членов Военно-революционного комитета потерпела неудачу, так как самокатчики на митинг почти не явились. После мы выяснили, что главная причина их нежелания прийти заключалась в сильной офицерской эсеровской агитации, а в некоторых случаях — в запрещении начальства оставлять казармы (воинская дисциплина палочного характера еще существовала у самокатчиков даже и в это время). Случайно вышедших на крепостной двор убеждали не слушать «ленинцев» и вернуться в казармы. Через тов. Поппеля и других самокатчиков-большевиков нами было сделано все, чтобы вызывать на предстоящий митинг в цирк «Модерн» солдат самокатного батальона. ...Вопрос с самокатчиками был наконец решен.

По возвращении с митинга в крепость меня ожидала целая куча новостей. На Невском юнкера задерживали рабочих. Казаки пытались неудачно развести Литейный и Троицкий мосты. Оружие из арсенала выдавалось с прежней интенсивностью. Крепость по-старому кишела людьми. Производим осмотр подступов и решаем увеличить число караулов. Уже спускается ночь, когда мы возвращаемся обратно. Пишу донесение в Военно-революционный комитет, обмениваемся с товарищами мнениями о событиях. Ночь по-прежнему проходит без сна. Все так же весело трещит телефон и звучит оживленный говор в маленькой, наполненной табачным дымом комнатке.

Всем нам, крепостным работникам, страшно надоело выжидательное положение последних дней. Хотелось скорее кончить и действовать немедленно и решительно. Около 12 часов дня отправляюсь на бывшем комендантском автомобиле в Смольный с твердым намерением предложить Военно-революционному комитету наступательный план действий — атаку Зимнего, в котором засело Временное правительство под охраной юнкеров и ударников. Первый, кто попался мне на глаза при входе во второй этаж, был Антонов-Овсеенко. Он втащил меня в помещение Военно-революционного комитета, где у карты Петрограда, покрытой флажками, оживленно беседовали товарищи Подвойский и Чудновский. Мое предложение о наступлении на Зимний не дало ничего нового, так как товарищи сами ранее меня пришли к этому.

Наскоро мы начали разрабатывать план военных действий и произвели приблизительный подсчет наших сил. Главным опорным пунктом и базой должна была быть Петропавловская кре-

пость, которая связывалась с соседними частями и «Авророй» (Антонов ехал на «Аврору»). Военские части должны были со стороны Миллионной улицы, Невского и других прилегающих к Зимнему улиц изолировать плотным кольцом Зимний дворец и затем по первому сигналу постепенно суживать это кольцо вокруг дворца. Против предполагаемого выступления ненадежных казачьих частей и юнкерских училищ были выставлены заслоны от ближайших большевистских воинских частей и заводов. Эти заслоны должны были парализовать возможный удар в тыл наступающим на Зимний дворец нашим частям. Провести этот план в жизнь нужно было немедленно. Общее наступление и бомбардировка Зимнего дворца должны были начаться сегодня же, не позднее 9 часов вечера, после того как все будет готово, по особому сигналу из крепости. Подробности плана должны были выработать я и Антонов на месте.

Распределив между собой участки и командование, мы поспешили на места, так как каждая минута была дорога, а тревожные вести о подходе к Питеру преданных Керенскому казачьих войск долетали все чаще и чаще. Антонов сразу поехал на «Аврору», стоящую у Николаевского моста, а я на одном автомобиле вместе с Чудновским — в крепость. У въезда на Троицкий мост я простился с тов. Чудновским, отправившимся в Павловский полк, которым он должен был руководить в его наступлении на Зимний. Чудновский обещал выслать от себя заставу на Марсово поле к концу Троицкого моста, а я со своей стороны высылать периодически патрули для связи с этой заставой и установить пулеметы для продольного обстрела моста (в предупреждение возможной попытки развода). Около бывшего дворца Кшесинской (против крепости) было заметно сильное оживление. Дворец после июльского разгрома Временным правительством большевистской Военной организации, помещавшейся в нем, был занят ударниками и георгиевскими кавалерами — частями, преданными Временному правительству; теперь эта публика, по-видимому, к чему-то готовилась. Старший нашего крепостного патруля, узнав меня, остановил автомобиль и подтвердил своим сообщением мое впечатление о том, что у дворца Кшесинской делается что-то подозрительное. По словам старшего, ночью к ударникам приезжали какие-то автомобили и, при проверке предъявившие пропуска ВЦИК, группами выходили люди; некоторые были вооружены винтовками. Приказываю выслать разведчиков с заданием проникнуть во что бы то ни стало внутрь дворца и, потолкавшись среди ударников, выяснить их настроение и намерения. Охотник сейчас [же] нашелся из среды патрульных.

В крепости вместе с Жендзяном даем распоряжение выставить на всякий случай пулемет на стену, в сторону дворца Кшесинской. Операция, намеренно проделанная нами с большой гласностью и шумом, обращает на себя внимание ударников и, видимо, производит действие (до 27-го ударники оставались пассивными).

Начинаем готовиться к бою. Крепость может стрелять только из пулеметов и винтовок, орудия, грозно стоящие на парапетах, для стрельбы не приспособлены и поставлены были исключительно для большего эффекта (стреляла только одна пушка, заряжаемая с дула и возвещавшая время). Нужно было подумать о том, чтобы достать орудия и их установить. После недолгих поисков на дворе арсенала мы нашли несколько трехдюймовых орудий, по внешнему виду нам, неартиллеристам, показавшихся исправными и годными к употреблению. Соединенными усилиями, под предводительством Кондакова, орудия были вытащены за стены крепости в «лагери» (лагери — это небольшое пространство между крепостной стеной и обводным каналом Невы, раньше, действительно, место для лагерного расположения частей гарнизона, а теперь просто свалочное место); выбрать иной позиции для орудий не представлялось возможности, так как без всяких приспособлений втащить орудия на крепостную стену было невозможно (поставить орудия за стенами было нельзя по причине близости цели — Зимнего, расстреливать который можно было только прямой наводкой).

С наступлением темноты Кондаков и Павлов должны были выдвинуть орудия из-за куч мусора, где мы их на время оставили, опасаясь, что они будут замечены наблюдателем с Зимнего, на заранее выбранные места у самого берега Невы. Небольшое количество снарядов к орудиям нашлось в арсенале, другая часть нами была затребована дополнительно с Выборгской стороны из склада огнеприпасов и своевременно выслана. Плохо было с артиллеристами. Крепостная рота, как я уже раньше указал, не могла считаться надежной. За последние дни командный состав роты и часть солдат — жителей Петрограда на службу не являлись. Но выбора не было. С болью в сердце поручили мы тов. Павлову наметить несколько наиболее надежных артиллеристов и командира для обслуживания орудий и выслать их незамедлительно для осмотра орудий и выбранного нами места. Скоро ко мне явились делегаты крепостной роты и ее командир (фамилию не помню), молодой прапорщик. Они заявили мне, что уполномочены общим собранием роты довести до нашего сведения, что рота так же, как и в дни 3 и 5 июля, намерена остаться нейтральной и потому отказывается выделить артиллеристов к орудиям и вообще выступать с оружием в руках на чьей бы то ни было стороне.

Положение создалось критическое, — других артиллеристов не было. Немедленно направляемся в казармы крепостной роты. Там все в полном сборе: видимо, ждут ответа от своих делегатов. Объясняю собравшимся, что занятая ими позиция не выдерживает никакой критики, требую именем Петроградского Совета подчиняться моим распоряжениям и предупреждаю, что неисполнение их повлечет весьма нежелательные последствия. Заявление производит большое впечатление. Подтвержденные мною распоряжения о высылке потребного количества артиллеристов для осмотра

орудий и производства стрельбы из них по Зимнему после некоторого колебания выполняется, и группа артиллеристов во главе с командиром роты отправляется в «лагери» к орудиям. В это время получаю сообщение о приезде тов. Антонова с матросами с «Авроры». Антонов сообщает о своем намерении подвести «Аврору» еще ближе к Николаевскому мосту, а может быть, даже продвинуть ее за мост к самой крепости. Для связи крепости с «Авророй» будет выслан к Петропавловке паровой катер. Быстро намечаем детали дальнейшего плана действия. Решаем, что после того, как выясним готовность к бою всех частей, окруживших Зимний, и выдвинем орудия на приготовленные для них места, на мачте крепости будет вывешен красный сигнал (фонарь, дающий знать о готовности). После этого «Аврора» открывает огонь из орудий первоначально в воздух, в случае несдачи Временного правительства начинает стрелять уже крепость боевыми снарядами. И только если и после этого Зимний проявит упорство, «Аврора» откроет действительный огонь из своих орудий. Составляем ультиматум Временному правительству о сдаче, даем ему срок на размышление — 20 минут с момента вручения ультиматума.

Ультиматум подписывается Антоновым и мною. Передачу берет на себя охотник из самокатчиков. Время посылки определяем за полчаса до сигнала о полной боевой готовности крепости и частей, окружающих Зимний. Наконец Антонов уезжает. Катер для связи с «Авророй» пришел своевременно. Стемнело. Непредвиденное и мелкое обстоятельство нарушило наш план: не оказалось фонаря для сигнала. После долгих поисков таковой нашли, но водрузить его на мачту так, чтобы он был хорошо виден, представило большие трудности, и Трегубович, который за это дело взялся, страшно перенервничал из-за неоднократных неудач.

Я отправился тем временем к орудиям. Октябрьская ночь вступала в свои права; фонари мерцали тусклым светом, и лучи их дрожали на темной зыби Невы, жизнь города шла обычным порядком: трамваи с резким звоном и шумом вереницей тянулись через Троицкий мост; мелькали автомобили и фигурки пешеходов; ничто не предвещало октябрьского боя. Кучка артиллеристов жалась у стволов громадных ветел, оголенных от листьев осенним холодом. Орудия в нескольких шагах чернели неподвижной массой.

Мне показалось, что при нашем приближении разговор сразу стих и артиллеристам как будто стало не по себе. Подходим ближе. Навстречу выходит прапорщик и докладывает, что стрелять из орудий нельзя, так как они в неисправности — в компрессорах нет ни капли масла и при первом выстреле их может разорвать. Подозреваю подвох. Волна страшной злобы ударяет в голову, рука против воли тянется к нагану, но вовремя сдерживаюсь. Расспрашиваю. Фейерверкер и артиллеристы в один голос подтверждают то же самое. Я ничего не понимаю в орудиях и потому беспомощен уличить их во лжи. Вспоминаю, что Павлов имел

какое-то отношение к орудию, решаюсь поручить ему произвести еще раз обследование, а в случае, если сообщение о негодности орудий не подтвердится, расправиться с виновниками по всей строгости. Эти свои соображения я и сообщил артиллеристам. Последние выслушали меня, по-видимому, спокойно и даже с радостью приняли мое сообщение о назначении Павлова для обследования орудий. Прапорщик сказал мне на прощание: «Вы, конечно, не верите мне, но даю вам слово, что я говорю чистую правду — стрелять из орудий крайне опасно». Между тем со стороны Зимнего начали слышаться ружейные выстрелы, сначала редкие, потом все чаще и чаще. По связи мне сообщили, что перестрелку ведут павловцы с засевшими во дворце юнкерами. Из Смольного мне несколько раз звонили и указывали на необходимость немедленно начинать...

Несмотря на то что не все готово, отправляю с товарищем ультиматум во дворец. Вдруг дверь дежурной комнаты широко распахивается настежь, и в нее влетает Антонов, страшно встревоженный. Он набрасывается на меня с упреками за то, что я долго не начинаю. Кратко объясняю создавшееся положение, предлагаю пройти к орудиям, возле которых уже орудует Павлов. Темень на дворе еще больше сгустилась. Недавно прошедший дождь налил громадные лужи, по которым мы шлепали самым беспощадным образом. Со стороны дворца слышалась сильная ружейная перестрелка, изредка строчил пулемет. Стреляли и наши с крепостных стен бесцельно в сторону набережной и Зимнего сада, откуда изредка вспыхивали ответные ружейные огоньки юнкеров. Антонов, имеющий довольно слабое зрение, то и дело вваливался в лужу: грязь каскадами летела во все стороны. Антонов и я быстро облепились ею. За страшной темнотой мы сбились с дороги и некоторое время блуждали по закоулкам крепости. Особенно ясно помню один из моментов этого печального путешествия. У одного из слабо мерцающих фонарей у стены крепости Антонов вдруг остановился и пытливо поверх очков почти в упор взглянул на меня. В его глазах я прочел затаенную тревогу. Вот и орудия. Павлов и Кондаков подтверждают мне все сказанное артиллеристами. Даже при свете керосиновых ламп они заметили большую ржавчину на частях орудия и отсутствие масла в компрессорах: стрельба, несомненно, была сопряжена с громадным риском. Что же делать? Найдется ли товарищ, умеющий стрелять и жертвовать жизнью для революции? (Такие товарищи, как видно будет из дальнейшего, нашлись.)

Где-то вдалеке шлепают по грязи ноги бегущего человека, ближе и ближе. Вот слышно, как он споткнулся и упал, раздается громкое ругательство и веселый возглас: «Товарищ Благонравов, где вы?» Радостью дышит этот голос. Дурманящая весть: «Зимний сдался и наши там». Что-то большое ударяет мне в голову, кажется, почва уходит из-под ног; бессонные ночи тут тоже сказались. Антонов слегка поддерживает меня и крепко сжимает мне

руку. Идем в гарнизонный клуб. Товарищ, посланный давеча с ультиматумом, уже возвратился и сообщил, что поручение им выполнено. Выстрелы, однако, не прекращаются, но я успокаиваю себя мыслью, что это отстреливаются отдельные юнкера. В дежурной комнате ко мне обратились двое матросов, предъявившие мне записку за подписью тов. Лашевича о том, что они — артиллеристы и посылаются в мое распоряжение.

— Теперь уже поздно, товарищи,— говорю им,— вот если бы вы пришли часа на два пораньше, так очень быгодились.

Рассказываю историю с орудиями. Они говорят, что хотя и не специалисты по полевым орудиям (матросы на полигонах — а товарищи были именно с полигона — учатся главным образом обслуживать крепостные и морские орудия), но тем не менее считают, что стрелять из трехдюймовых с некоторым риском было бы можно.

Решаю поехать лично во взятый дворец. Снаружи почти тихо, лишь изредка звучит одинокий выстрел, и огненная вспышка режет темноту ночи. Выхожу за крепостные ворота. На мостике отчаянно тархтит чей-то автомобиль, ослепивший меня светом своих прожекторов. Подхожу ближе, узнаю товарищей Подвойского и Еремеева, они объезжали действующие части и заехали в крепость, чтобы узнать о положении. Сообщаю им вест о взятии Зимнего. Решаемся ехать вместе к Зимнему, сажусь в машину, быстро летим через Троицкий мост, Марсово поле, по Миллионной улице к дворцу. По обеим сторонам на тротуарах разбросаны солдаты Павловского полка, а ближе к мостику через Зимнюю канавку мы наезжаем на правильно раскинутую цепь. Нас окликают и задерживают. Объясняем, кто мы. Передаем вест о взятии Зимнего. Известие встречается с большим недоверием; голос из цепи авторитетно заявляет:

«Какой там сдались, недавно оттуда нас здорово шпарили, опасно туда ехать». Но мы остаемся при своем мнении: решаем, что Зимний взят частями, действующими со стороны Невского, что цепь просто не осведомлена, а стрельба, о которой говорил товарищ, относилась к периоду более раннему. Катим дальше. Вслед нам несутся предостережения товарищей быть осторожнее. Шофер замедляет ход. Кругом тишина. Вот автомобиль почти подходит к арке Эрмитажа, и в этот же момент раздается громкое «ура», рой пуль со свистом летит над автомобилем, а несколько пулеметов со стороны дворца начинают отчаянно стрелять. Наш шофер, будучи человеком смелым и увидя, что дело принимает опасный оборот, моментально останавливает машину и дает задний ход. Я и Подвойский опускаемся на дно машины, чтобы не быть слишком большой мишенью для пуль, а Еремеев, сидевший вместе с шофером, выпрыгивает на мостовую и растягивается там по всем правилам воинского устава. Через мгновение мы пролетаем мостик через Зимнюю канавку, и уже минует опасность, так как за мостиком почва значительно понижается и пули не могут нас поражать.

Благополучное окончание происшествия, главным образом, объясняется тем, что юнкера слабо приспособились к продольному обстрелу Миллионной улицы, сильно нервничали, а главное — потому, что шофер оказался человеком с громадным самообладанием. Павловцы, встревоженные сильным огнем, тарыхтением пулеметов, шумом машины и криками «ура», которые неслись со стороны дворца, подумали, что против них перешли в атаку, и открыли беглый и беспорядочный огонь в сторону дворца вдоль Миллионной, причем в некоторых группах их произошло замешательство, и они начали отходить к Марсову полю. Наше положение было весьма незавидное: мы попали под обстрел своих. Пришлось остановить автомобиль и обратиться с речью к павловцам. Заминка была быстро ликвидирована. Как потом оказалось, сообщение о взятии Зимнего было ложно, был взят только штаб, помещающийся на Дворцовой площади против дворца. Нами было решено немедленно открыть интенсивный огонь из крепости (я мог обещать это сделать, так как помнил о присланных мне артиллеристах-моряках).

Тотчас по возвращении я сообщил морякам о положении и о том, что от них требовалось. Одновременно распорядился открыть сосредоточенный пулеметный огонь вдоль набережной и по дворцу. Скоро треск выстрелов показал мне, что приказание с точностью выполнено. С орудиями тоже все было готово; моряки уже заложили снаряды и ждали распоряжения стрелять; цепь под командованием тов. Поппеля была расположена по берегу для прикрытия орудий (хотя ждать атаки по воде даже и на лодках было трудно).

Получив приказ, матросы без малейшего колебания открыли беглый огонь по дворцу (спешу оговориться, что из 30—35 выстрелов, произведенных ими, попадания было всего лишь два — в карниз Зимнего, причем один из осколков прошиб окно и попал в комнату, никого не ранив; остальные снаряды прошли поверху). Если огонь принес мало разрушений, то зато оказал громадное моральное действие... Невесело чувствовали себя обитатели Зимнего. Огни во дворце давно потушены, чтобы не привлекать наше внимание и не указывать цель. Изредка свистит шальная пуля над головой. Так проходит с полчаса.

Чудновский сообщает по телефону о взятии Зимнего. Наученный горьким опытом, отношусь к этому сообщению скептически, но все же даю распоряжение прекратить стрельбу из боязни подстрелить своих. Навожу справки по телефону, получаю подтверждение, сообщение о взятии Зимнего. Радостная весть быстро распространяется по крепости. Антонов-Овсеенко присылает записку с просьбой приготовить камеры в Трубецком бастионе для арестованных министров Временного правительства. Среди ночи, под усиленным конвоем революционных рабочих и солдат во главе с Антоновым, вступает исторический кортеж пленных министров в стены Петропавловской крепости. В маленьком зале

гарнизонного клуба при свете дымной керосиновой лампочки (электричество было испорчено) устраивает Антонов переключку бывшим людям. Чинно сидят они по скамейкам, и темные блики дрожат на их бледных лицах, и такими ничтожными и жалкими они кажутся среди этой радостной, окружающей их толпы рабочих и солдат. Почернелые от грязи и пороха, с блестящими глазами и веселой речью, бодро стоят представители восставшего народа с винтовками в руках. Какой разительный контраст! Неповторяемое зрелище! Антонов заканчивает все формальности: пленников ведут по камерам. Глухо хлопает за ними тяжелая дверь Трубецкого бастиона. «Туда вам и дорога», — слышу я возглас одного из товарищей. История, подумал я, скажет то же. Весело прощаюсь с Антоновым и спешу в помещение, чтобы впервые после бессонных ночей соснуть несколько часов.

В дни Октября. Воспоминания участников Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Л., 1982, с. 213—230